Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Об одной литературной параллели к Временнику Ивана Тимофеева

Временник Ивана Тимофеева, одно из важнейших сочинений о Смутном времени, упоминается почти во всех работах, посвященных историографии начала XVII в. или же общим принципам литературного развития этого периода. Вместе с тем, как часто случается с хрестоматийными памятниками, целый ряд вопросов, связанных с историей создания самого Временника и методами работы его автора, до сих пор привлекал внимание исследователей явно не в достаточной мере.

Менее всего выявлен круг произведений, послуживших источниками и литературными образцами для Ивана Тимофеева. Так, С. Ф. Платонов вообще не рассматривал вопрос «об источниках сведений нашего автора», лишь иногда отмечая «совпадение показаний Тимофеева с данными других современных ему или позднейших трудов».¹ Этот пробел в некоторой степени был заполнен трудами В. И. Корецкого² и Я. Г. Солодкина,³ в задачи которых входило рассмотрение прежде всего исторических источников Временника. Что же касается сочинений, послуживших литературными образцами для автора, то в большинстве случаев исследователи ограничиваются перечнем упоминаемых во Временнике памятников, по-видимому, известных начитанному дьяку;⁴ лишь И. И. Полосин, чья работа, к сожалению, до сих пор полностью не опубликована, особо писал о влиянии на Тимофеева эсхатологических сочинений (Апокалипсис, сказание «О последних летах», Слово Мефодия Патарского, статьи из пасхалии), а также Диалектики Дамаскина, Хроники Георгия Амартола, житий Никиты Переяславского, царевича Димитрия, Варлаама Хутын-

¹ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 211.

² Корецкий В. И. Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 113—141.

³ Солодкин Я. Г. 1) «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына. (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 12—23; 2) К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 115—127; 3) Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1991. С. 42—43.

⁴ См.: Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной. М.; Л., 1951. С. 351—409. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

ского.⁵ Я. Г. Солодкин предложил свой круг источников, не всегда, впрочем, достаточно обоснованный.⁶

Цель нашей заметки — привлечь внимание исследователей к памятнику, по сюжету чрезвычайно близкому «Притче о цареve сыне, иже пострижеса и паки розстригся и женитися восоте», которой И. Тимофеев завершает рассказ о царствовании Лжедмитрия (с. 98—100). По своей стилистике эта Притча значительно отличается от остального текста Временника, что позволило исследователям говорить о ее вставном характере. И. И. Полосин писал: «Притча эта... не принадлежит автору. Автор где-то списал ее для своего Временника».⁷ О. А. Державина считала ее «видимо, заимствованной Тимофеевым из книжных источников» (с. 492). Конкретнее источник заимствования никем не определялся. Только Я. Г. Солодкин в своей диссертации указал, что Тимофеев включил в свое произведение нередко встречающуюся в сборниках XVII—XVIII вв. «Повесть зело страшну о некоем юноше, облеченнем во иноческий образ и паки поверже», а также назвал четыре списка Повести (ГИМ, собр. Уварова, № 1084; ГПБ, собр. Погодина, № 1603; Соловецкое собр., № 918/1028 и 935/1045).⁸ При этом исследователь отметил, что Повесть вошла во Временник «в пересказе, ибо в Притче налицо характерные для Тимофеева выражения»,⁹ или же «в отредактированном виде», получив при этом другое заглавие.¹⁰ Детальное сопоставление двух памятников при этом не проводилось, характер выполненной Тимофеевым обработки не прояснен; никак не определено, что это — новая редакция? стилистическая обработка? собственный его текст или механическая вставка заимствованного сочинения? Все эти вопросы ждут своего решения.

Обратимся к анализу Повести. Она действительно часто встречается в рукописях XVII—XIX вв.,¹¹ к указанным Я. Г. Солодкиным можно добавить еще 21 список,¹² из которых мне удалось исследовать семнадцать.¹³ Памятник имеет различные заглавия: помимо отмеченного Я. Г. Солодкиным встречаются еще «Повесть о юноши, иже в Риме» (*Тх₁, Пн, НБ МГУ, Тс*), «Повесть (Сказание) о некоем юноше, иже сложи иноческий образ» (*Б₈₈, Тм, А₂, Т₄*), «О некоем юноше, иже поругася иноческому образу,

⁵ Полосин И. И. 1) Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 314; 2) Источники «Временника» и «Летописца вкратце» // ГБЛ, ф. 428, карт. II, № 4.

⁶ См.: Солодкин Я. Г. 1) Тимофеев Иван // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 90—91; 2) Русская публицистика... Автореф. С. 42—43.

⁷ Полосин И. И. Социально-политическая история... С. 294.

⁸ Солодкин Я. Г. Русская публицистика XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных сводов и «Временника» Ивана Тимофеева: Дис. ... докт. ист. наук. Кустанай, 1990. С. 276. Приложение. С. 106.

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Солодкин Я. Г. Русская публицистика... Автореф. С. 42—43.

¹¹ Очень вероятно, что этот текст встречается и раньше, однако опыт знакомства со сборниками показывает, что Повесть далеко не всегда отмечена в опубликованных описаниях рукописей и выявляется часто лишь при просмотре *de visu*, поэтому поиски новых списков остаются задачей будущего.

¹² ГБЛ, собр. Тихонравова, № 213 (*Тх₁*) и № 143 (*Тх₂*); собр. Большакова, № 44 и № 88 (*Б₈₈*); Музейное собр. № 3187 (*М*); собр. Троице-Сергиевой лавры, № 711 (*Тс*); ГПБ, собр. Погодина, № 1384 (*Пз*); Соловецкое собр., № 875/955 (*Сол*); ГИМ, собр. Шукина, № 692; Музейское собр., № 1865; ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 24, № 64 (*И*); Пинежское собр., № 442 (*Пн*); ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1330 (*А₁*) и № 1462 (*А₂*); ГПНГБ, собр. Тихомирова, № 316 (*Тм*); ТФ ГАТО, собр. рукописных книг, № 9, 39, 26, 31, 7 (соответственно *Т₁₋₅*); НБ МГУ, Молдавско-Украинская колл., № 820.

¹³ Помимо недоступных в настоящее время списков из ГИМ не просмотрены недавно выявленные по описаниям списки НБ МГУ и ГБЛ, собр. Большакова, № 44.

зело страшно» (*Пг*), «Повесть вельми чудна и наказательна о юноши некоем» (*М*). Список *Сол* вообще не имеет заглавия.

Текст Повести стабильн. Изученные списки не дают оснований для выделения особых редакций. Разночтения, как правило, ограничиваются несущественными перестановками слов, меной единственного и множественного числа (полаты цареви — полат царевиц, о своих согрешениях — о своем согрешении и т. п.), использованием традиционных для учительной литературы синонимов, не меняющих смысла высказывания, например: мирское бытие — жительство — житие — пребывание. Однако анализ разночтений позволяет выделить две группы текстов. В первую входят списки *Б₈₈* и *T₄*, во вторую — все остальные. Интересные индивидуальные чтения можно отметить и в некоторых других списках, но они не представляют системы и пока не поддаются объяснению.

Характер особых чтений в первой группе¹⁴ позволяет предположить, что она сохранила текст протографа в наиболее исправном виде. Так, только здесь читаем, что бывший монах «в том беззаконном *житии* пребысть лето едино» (л. 106) — во всех остальных списках «беззаконном *веселии*». Только здесь не говорится о жене героя перед баней: «И приидоша к нему к бане множество людей...» (л. 106), ср. в другой группе: «Прииде *жена* его к бани и множество людей» (*Tx₁*, л. 104); поскольку жена героя в дальнейшем никак не участвует в действии, можно думать, что упоминание о ней вторично, а в *Б₈₈* сохранился более ранний текст. Более оправдан и текст о рабах перед баней: «Рабом же и рабыням пред банею *поющим* многим и играющим» (л. 106), в списках второй группы, за исключением *Tc*, *Пн* и *T₅*, читаем «*пьющим* и играющим» (в *М* даже добавлено: «*пьющим и ядущим* и играющим»).

Основным отличием, «приметой» первой группы можно считать то, что здесь нет сопоставления судьбы героя с севастиийскими мучениками или Иудой, которое читается, с незначительными вариациями, во всех остальных списках: «...все тело его разлися и с костми, *яко ж и от 40 мученик прибегаю в баню или яко Июда предатель. Сице и той пострада: тело в теплей бане растаяся, а душа отъиде к негасимому огню*» (*Tx₁*, л. 105), ср. в *Б₈₈*: «...все тело его разлися и с костми вкупе. И душа его отъиде к негасимому огню...» (л. 106 об.). Сравнение это выглядит странно: некорректно с христианской точки зрения ставить в один ряд инока-расстригу, великого грешника Иуду и одного из почитаемых святых по чисто внешнему признаку потери тела при смерти. Скорее всего, этого сравнения не было в древнем протографе Повести.¹⁵

Установить происхождение Повести пока не удалось. Скорее всего, генетически она связана с патериками, которые переводились на Руси еще в домонгольский период: недаром в некоторых списках в заглавии Повести встречается отсылка к Скитскому патерику (*A₁*).¹⁶ Однако просмотр состава

¹⁴ Основным является список *Б₈₈*, датируемый 70—80-ми гг. XVII в., см.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 145. Далее все неоговоренные цитаты приводятся по этому списку с указанием листов.

¹⁵ О древности протографа, возможно, свидетельствует слово *злочество*, сохранившееся в *Б₈₈* и *T₄*: «...чернеческое имя заглажено *злочеством*...» (л. 106 об.). Мне не удалось найти это слово в словарях; по-видимому, оно происходит от глагола *злочествовати* в значении «предаваться нечестию, поступать богопротивно», см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 35; Срезневский, см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1958. Т. 1. Стб. 1006. Оба словаря фиксируют этот глагол лишь в Минее 1096 г.

¹⁶ См. также: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 559.

патериков пока не дал результата.¹⁷ Исследуемые же списки, как правило, читаются в сборниках учительного характера. Особую группу составляют тексты, уже в конце XVII в. включенные в дополнения к русскому переводу Великого Зеркала (*Пг, Тм, М, Тс*); то, что эта связь была достаточно крепкой, свидетельствует и соседство Повести с выборками из Зеркала (*Т₂*). Возможно, это связано с тем, что тема наказания за отказ от монашества, как и тема избавления от болезни благодаря постригу, присутствует в Великом Зерцале изначально.¹⁸

* * *

Определив наиболее близкий протографу текст, сопоставим его с Притчей во Временнике Ивана Тимофеева.¹⁹ Расхождения между ними существенны: можно отметить распространение отдельных эпизодов (описание болезни героя, его невольные признания), иные мотивировки событий, характеристики героя, стилистическое оформление. Притча несомненно представляет особую обработку сюжета, отличную от Повести.

Наиболее принципиальным моментом представляется изображение героя не слугой царя, как в Повести, а «царевым сыном»: «В Римском граде баше у царя сын и в болезнь впад» (с. 98). Вследствие этого гораздо подробнее и отлично от Повести рисуются попытки юного инока вернуться в царский дворец: он приходит «невозбранно ради сродственного союза» к своему отцу, сначала в монашеском одеянии, потом «паки в мирская облечеса» (в Повести он сразу назван расстригой), но его постоянно укоряют и насмеваются «синклит и вся люди»; в отличие от Повести сам царь от него не отвращается. Только бежав «во ину страну», герой скрывает свое происхождение и «в рабий бо образ преложся, яко един от сирот» (с. 99).

Изображение героя Притчи сыном царевым позволило И. И. Полосину предположить, что хотя бы «на одну минуту допустил дьяк Иван Тимофеев мысль о возможности спасения сына Грозного, царевича Дмитрия».²⁰ Мне кажется, что этот мотив может служить и обоснованием для определения времени работы над Притчей: вряд ли автор позволил бы себе писать о поношениях («от ближних царевых») ближайшего царского родственника после возвращения в Москву державного монаха, «второго государя» Филарета.

Иначе описано и пребывание отрока на чужбине. В Повести рассказывается, что после женитьбы он «начат же ясти и пити, и веселится весело по вся дни», пребывая «в том беззаконном житии» год, прежде чем пойти в баню, «яко же обычей миряном мыться»; в Притче отрок идет в баню сразу после свадьбы, поскольку «обычай баше новобрачным ради измовения тела в баня входити» (с. 99). Изменение этого эпизода сразу сокращает время действия Притчи и сближает моменты прегрешения и расплаты. Кроме того, наказание во время обрядового пребывания в бане должно

¹⁷ В настоящее время просмотрено: Синайский патерик: Указатели. Новосибирск, 1980; Иванова-Константинова К. Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 294—308; Еремин И. П. К истории древнерусской переводной повести // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 37—57.

¹⁸ См.: Владимиров П. В. Великое Зерцало. (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884. Приложение 2, № 1184: «Обета монашескаго преступник юноша различно от дьявола мучим бысть»; № 138: «Обет давши воин некий быти иноком и абие бысть здрав».

¹⁹ Для определения протографа важно, что в Притче Тимофеева отсутствуют те элементы, которые уже выделены как вторичные: сопоставление с севастикиими мучениками и Иудой, упоминание о жене перед баней.

²⁰ Полосин И. И. Социально-политическая история... С. 314.

было производить более сильное впечатление на читателя, чем гибель при простом ее посещении в «пьянстве и блуде», как в Повести. Последний вариант больше связан с древними верованиями о бане как обиталище демонов, распространенными как в Византии,²¹ так и в Древней Руси²² и сохранившимися до нашего времени;²³ вариант же Притчи подчеркивает божественность наказания.

Таким образом, Притча о царевом сыне в составе Временника Ивана Тимофеева несомненно связана с распространенной в рукописях «Повестью о некоем юноше, иже сложи иноческий образ» и представляет собой особую ее редакцию. В настоящее время нет возможности решить, существовала ли эта редакция издавна или была создана самим И. Тимофеевым. Ответить на этот вопрос предстоит после детального изучения рукописной традиции Повести.

В приложении публикуется текст Повести по списку ГБЛ, собр. Большакова, № 88, л. 105—106 об. (Б₈₈), с исправлениями по списку ТФ ГАТО, № 31, л. 127 об. — 129 (Т₄).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Повесть о некоем юноше, иже сложи иноческий образ, зело страшно

л. 105

Некто юноша в Римстей области от полат царевых, саном и богатством, и царською любовию всегда веселяся, всяким обилием паче всех сверьник своих. Случися же ему сицева вещь: разболевся болезнию великою и точию смерти чая и суда страшнаго. Нача плакати и каятися о своих согрешениях и возложи на ся иноческий образ. И в мале времени оздраве. И вдаша его в монастырь со отцы пребывати и учитися иноческому жителству.

Искони ж владея им диявол, наведе ему воспоманути прежнее жителство и царскую любовь, мирскаго пребывания. Увы, увы! В забытие положивше ему смертный час и муку вечную, и свое обещание презре, окаянный. И возненавиде свет, и возлюбил тму. Не посоветова со излюбльшими Бога, но дияволу совету внят, паки в мирское бытие возвратися, яко пес // на своя блевотины. И начат же ходити в царския полаты, яко ж прежде. Царь же и вси велможи прежнему любовию от него отвратишася, сверстницы ж его нача ему ругатися и укоряти, и растригою называти его.

л. 105 об.

Он же, окаянный, не терпя укоризны, не точию раскаявся, но и горшая сотвори, бесу ся вдаде. И преселися земли незнаемей, и тамо бысть воин у некоего сихклета славна. И возлюбил его господин в дому своем паче всех сии.

Не по мнозе же време и умре господин его. Госпожа же его от мужа своего отстала зело млада, со многим богатством, раб и рабынь множество. Сей же окаянный бывый некогда мних и приемлет госпожу свою себе в

²¹ См.: Любарский Я. Н. Царь-мим: (К проблеме образа византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. Памяти В. Д. Лихачевой. М., 1989. С. 58, 63.

²² Рыбаков Б. А. 1) Язычество древних славян. М., 1981. С. 34—36; 2) Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 514—515.

²³ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М.; Л., 1957. С. 98—99; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 113—114, 176; Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 81—85.

жену и бывает наследник всему имению господина своего. Начат же ясти и пити, и веселится весело по вся дни. И забы смертный час и муку вечную. Сего ради и Бог отступи от него, понеже не помяну рекшаго: «Безумне, в сию ночь душу твою истяжет от тебе, яже угодова кому будет». И паки: «Кая польза человеку, аще и весь мир приобретет, а душу свою погубит?» И тако на первое возвратимся.

л. 106

Сей же окаянный, бывый // некогда мних, в том беззаконном житии пребысть лето едино. Не помянух многая своя прегрешения и от Бога падение. Во един же от дней по мнозе времени, и пьянстве, и блуде вниде в баню, яко же обычей миряном мытися. Совлек съ себе срачицу, сяде и ногам согбенным. Рабом же и рабням пред банею поющим многим и играющим. Внезапу же веселие их в плачь преложиша. Седящу же господину их в бане, и начат вопити гласом великим и мниха себе неволею исповедати. И невидимо гнев Божий постигоша. И приидоша к нему к бане множество людей и на горкий сей час. Оному ж сидящу и крычашу: «О мужие, человецы, помозите ми!» — и не бе помогающаго. Мнози же покушахуся к нему в баню внити, и не возмогоша. А ему сидящу и крычашу, а востати не могуще и изыти из бани, невидимую силою одержим бысть. Всем же плачущим и рыдающим, видяще дивный позор господина своего и неначаемую его погибель.

л. 106 об.

По мнозе же рыдании глас его пресецашеся ему. Потом же // глава его не бысть на нем, а ему сидящу. В мале же времени все тело его разлился и с костми вкупе. И душа его отыде к негасимому огню, и имя его погубило на небеси: мирское имя заглажено чернечеством, а чернеческое имя заглажено злостеством, понеже поругася великому ангельскому образу и чюждь бысть христианския веры, законныя благодати.

Разумейте же писание и бойтеся, иже на таковую погибель душевную от сатаны нудими. Или, соделавше, уцеломудритесь, плачите и рыдайте, кайтеся, и соделавше, зазрите своему безумию. Аминь.